

Ху Чэ изначально просто задумался, но, подсчитав, вдруг почувствовал отчаяние и уныло сказал:

— Даньдань, ты ведь не будешь презирать меня за то, что я мало зарабатываю?

Линь Дань еще не успел ответить на предыдущий вопрос, как сразу же получил новый, невольно повернулся лицом к Ху Чэ, прижался щекой к его щеке и потёрся:

— Конечно нет. Чэ-гэ же сказал, что на этот раз хочет сдать экзамен на первого лауреата, а через пару лет еще и получить для меня титул. Что касается подготовки, то ты прав. Но есть приоритеты, давай сначала сдадим экзамены. После экзаменов можно будет расслабиться, и я научу тебя паре простых блюд.

Его ответ не был формальным, в душе он даже подумал, что нужно будет научить и других членов семьи некоторым базовым навыкам выживания.

Их семья, казалось, успешно избежала бедствий хаоса в области Хэчжоу, и большая часть бандитов в Великой Шан была уничтожена; но в его памяти, в будущем, через несколько лет, Великая Шан не будет спокойной. Столица была безопасной, но кто знает, кого могут отправить в командировку?

Сейчас в семье Линь только Линь Хэсун был за пределами столицы, но второй и третий дяди Линь рано или поздно тоже уедут, если только их карьера не остановится на этом. К тому же, старший дядя Линь был чжуаньюанем, его старт был выше, чем у большинства, и у него было достаточно охранников, а также специально нанятый Линь Данем Гун Пэнпэн.

Но что будет, когда второй и третий дяди уедут? Разве они сразу смогут стать товарищами? Это было невозможно. Даже если бы могли, Линь Дань не смог бы найти второго Гун Пэнпэна для них.

Да и как долго Гун Пэнпэн сможет охранять старшего дядю, было неизвестно. Семья Гун тоже не глупа... Ну, в общем, немного глуповата, но они не станут просто так бросать талантливого генерала, который может возродить семью, без внимания.

Сейчас в семье Гун еще были старшие, которые держали все в своих руках, но что будет в следующем поколении? Что смогут сделать эти повесы из семьи Гун?

Линь Дань вдруг вспомнил А Лэ и его отряд добровольцев.

Ху Чэ заметил, что Линь Дань задумался, и, когда подали завтрак, чуть не пролил ложку на одежду, пробормотал ему что-то, но, видя, что тот не реагирует, смирился и с радостью начал кормить его кашей. Он вспомнил, как Линь Дань рассказывал о прошлой жизни. Тогда он познакомился с Даньданем, когда тот был еще совсем маленьким, а он уже был подростком. Когда они проводили время вместе, он, возможно, тоже кормил Даньданиа.

Ну, учитывая разницу в возрасте в прошлой жизни, он бы посадил Даньданиа к себе на колени, кормил бы его маленькой ложкой, а потом вытер бы ему рот теплым полотенцем, и пухлый малыш бы свернулся у него на руках и заснул, а они бы вместе вздремнули...

Ху Чэ так увлекся своими мыслями, что, закончив кормить кашей, попытался поднять Линь Даниа на руки.

Это вернуло Линь Даниа в реальность, и он, подняв голову, с недоумением посмотрел на него:

— Тебе нужно идти на занятия к учителю, а то опоздаешь.

Ху Чэ неохотно отпустил его, взял за руку и повел к выходу:

— Проводи меня.

— Хорошо.

Линь Дань, редко видевший старшего брата таким привязчивым, просто проводил его до повозки.

— Поезжай, довезу до конца.

Ху Чэ не смог сдержать улыбки, обнял его и рассказал о своих догадках, ожидая, что Линь Дань вспомнит приятные воспоминания из прошлой жизни.

Однако лицо Линь Даня, только что улыбавшееся, сразу же стало мрачным:

— В прошлой жизни, когда я ел сахарное яблоко, ты заставлял меня стоять в стойке всадника целый час, а теперь говоришь, что кормил меня?

Ему тогда было совсем мало лет! Дома он даже палочки толком не держал, а у Ху Чэ кормить? Ни за что! Есть медленно — пожалуйста, но самому, не оставлять еду, не привередничать! Одни только запреты, а в других аспектах и подавно, старший брат был настоящим кошмаром для такого малыша, как он тогда.

Линь Даньдань, хотя и уважал старшего брата, но тот жил больше в легендах. Его чувства к старшему брату были больше уважением и восхищением, по крайней мере, старший брат не выпрыгивал из разных рассказов, чтобы заставлять его переписывать книги и учить иероглифы.

Но старший брат был совсем другим. И он был таким подлым, сначала водил его по разным местам, развлекал, а потом, когда они сдружились, начал его воспитывать. Он прожил под его руководством больше десяти лет, и это была настоящая эпопея, написанная слезами и кровью!

А теперь старший брат еще смеет говорить о кормлении! Да ну его!

— Сегодня вечером я останусь дома, обед для учителя я отправлю, тебе не нужно приходить.

Линь Дань, вспомнив старые обиды, сразу же изменился в лице, посадил Ху Чэ у дома Бай Чжэнцина, даже не зайдя во двор, и приказал кучеру ехать.

Ху Чэ долго стоял на месте, потом вдруг не смог сдержать смеха, потер нос и подумал, что в прошлой жизни он, видимо, действительно сильно издевался над Линь Даньданем. Только... вспомнив о ребенке, который умер в восемнадцать лет, он непроизвольно сжал кулак, и улыбка исчезла с его лица.

Остался ведь он, и ему, наверное, было гораздо хуже, чем Линь Даньданю.

Линь Дань не знал, о чем думал Ху Чэ, повозка не поехала домой, а направилась к дому герцога Цая. Подъехав к воротам, он вдруг вспомнил, что не отправил визитную карточку. Чжэнь Мань все еще был в академии, и он, выйдя из повозки, застыл в нерешительности, решив, что лучше вернуться.

Но его заметил главный управляющий дома герцога и сразу же пригласил внутрь:

— Линь Далан, почему вы не зашли? Герцог каждый день вспоминает о вас.

— Вы слишком любезны.

Линь Дань, конечно, не принял эти слова за чистую монету, смущенно сказал:

— Просто вспомнил, что не отправил визитную карточку, и не хотел беспокоить герцога.

Главный управляющий вздохнул:

— Эх, не принимайте мои слова за пустую любезность. Вы как раз вовремя, герцог сейчас в ярости! Он вас уважает, помогите успокоить его, а то он даже есть не будет, спать не может.

Линь Дань, услышав, что герцог Цай в ярости, сразу же заколебался. Их семья не была в близких отношениях с домом герцога Цая, для герцога он, в лучшем случае, был младшим, а в худшем — просто прохожим. Как он, такой маленький человек, сможет успокоить герцога? Он считал, что не способен на это.

Однако управляющий уже ввел его внутрь, и они быстро шли по двору, а герцог Цай как раз бушевал в переднем дворе. Линь Дань только остановился, как копьё с красной кисточкой пролетело мимо его руки и вонзилось в цветочный горшок. Горшок размером с бочку раскололся на восемь частей, и Линь Дань почувствовал, как обожженная рука загорелась.

Герцог Цай в зале кричал:

— Столько денег на Пещеры Десяти Тысяч Будд, это просто безумие!

Линь Дань еще не успел удивиться словам герцога Цая, как вдруг почувствовал, что перед глазами потемнело, и сразу же потянул главного управляющего в сторону, сопровождаемый сильным порывом ветра, красное деревянное кресло пролетело мимо и разбилось рядом с цветочным горшком.

Он отскочил довольно неуклюже, почти упав на бок, но рядом было дерево, и он не упал.

Главный управляющий был более ловким, хотя он даже не понял, что произошло, но, получив толчок, инстинктивно схватился за ствол дерева, подтянулся вверх и даже не поцарапался.

Червячок (๐ω๐): У меня длинные ноги.

Ху Чэ (๐ω๐): У меня длинные ноги.

Муфта (๐ω๐): У меня быстрые ноги.

Даньдань (□ □) ~→: Не влезайте.

Муфта (๐ω๐): У Даньдана нет длинных ног, и быстрых тоже нет.

Даньдань (ˆ ˆ) #: Хочешь, я сейчас приготовлю острую кроличью ножку?

Муфта: Σ(๐▽๐"a

Старший брат (* □□□): Кто разрешил тебе есть перекусы?

Даньдань (□△□□): Нельзя?

Старший брат (* □□□): Нельзя!

Даньдань (○ω○): Тогда Чэ-гэ ест перекусы.

Старший брат (○З○): Мм, наконец-то повелся...

<http://bllate.org/book/17701/1652752>